

Алексей Калинин

ВОЙНА КЛАНОВ

МЕДВЕДЬ 1

16+

Алексей Калинин

Война Кланов. Медведь 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43425667

SelfPub; 2019

Аннотация

Игры Богов продолжаютcя несмотря ни на что. В войну вовлекается всё больше народа. Охотники не справляются с заданием, глава оборотней-волков одерживает победу. Новые и новые жертвы устилают путь к возрождению Великого Игрока. Один из оборотней вовсе не хочет такого исхода и выступает на стороне охотников в кровавой войне кланов. И этим дураком оказываюсь я...

Содержание

Легенда	4
Вход в Игру	18
Гайд по игре	39
Первое задание	50
Я оборотень	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Легенда

В отблесках огня из печи тускло отсвечивает дробовик у стены. Темноволосая девушка берет потрепанную книгу и садится возле детской кроватки. Свет от лампы падает на бледное лицо, оттеняет глаза. Из кроватки слышится негромкое агуканье.

– Люда, ты лучше бы песню спела, – я говорю ей негромко, опасаясь тех, кто бродит за окном. – Всё же больше пользы принесло.

Не то, чтобы не хотел слышать её чтение – вовсе нет. Людмила великолепно читает, но она может размеренным ритмом усыпить не только ребенка, но и меня. А пока третий из нашей группы не вернулся – спать нельзя.

Нельзя спать берендею, пока рядом бродят злые переверт-ни, а охотников и след простыл. Нельзя расслабляться в этой долбанной игре. Игре, в которой нет второй жизни и в которой нельзя сохраниться на определенной точке.

– Можешь заткнуть уши, – улыбается девушка.

Я подхожу к окну, за которым темнота скрывает нежеланных гостей. Пока ещё не видно светящихся красным светом глаз, но я чувствую, что эти твари где-то рядом. Их вой не слышно несколько часов, но они рядом. Моя чуйка ни разу ещё не подводила.

– Эх, ладно, валяй, – машу я рукой и присаживаюсь у сто-

ла.

Девушка начинает читать тихим, ласковым голосом, и волшебные картины встают передо мной:

«Песня плыла над широкой рекой. Она залетала в камыши, касалась плакучих ив. Тягучей волной шелестела по замершей траве.

**Спешу по дороге любимой навстречу,
Сердце поет, поджидает свиданье.
Дождик бисером ложится на плечи,
И капли смывают слезы прощания.**

На незнакомые звуки слетались любопытные птицы. Звери подкрадывались ближе, чтобы рассмотреть певца на утесе. Даже облака замедляли извечный бег и собирались над развесистым дубом косматыми кучами.

**Луна из-за туч ярким глазом моргает,
Звезды крикнут с небес: «Тебя заждались!»
И ветер, что с листьями в салки играет,
Слегка подтолкнет: мол, давай, торопись.**

С каждым новым словом в дубовых ветвях затухал шепот ветра. Русоволосая девушка в льняной рубаше, подпоясанной голубоватым пояском, внимала каждому слову. По румяным щекам катились слезы от нахлынувшей тоски – вот если бы

её так любили. Она рассматривала певца, пока тот её не видел.

**Шепчутся тихо кусты у дороги:
– Взгляни на него, до чего же счастливый...
Спешу я навстречу, и несут меня ноги
К единственной, милой, родной и любимой.**

Он пел и словно обращался к той, чьи глаза блазнились в каждом сне.

**Заветный цветок на груди притаился,
Насквозь пропитался души теплотой.
Пусть он расскажет, как я влюбился,
Пусть он споет про пропавший покой.**

Старик с длинной седой бородой прислонился к шершавому стволу огромного дуба. Глаза печально осматривали речные просторы, камышовые заросли на другом берегу, столетние сосны.

Стоптанные лапти, худая на правом боку рубаха, грязные штаны – все уходило в сторону, когда он бархатным баритоном выводил следующее слово. В плечо черными коготками вцепился серый соловей. Маленькая птичка склонила голову и слушала старика.

**Мягкий свет струится из окна,
Медленно сгорают тяжелые свечи.
Мы одни на Земле, и нам не до сна
В этот волшебный и сказочный вечер.**

Прозвенело последнее слово. Эхо унесло песню дальше – ранить сердца влюбленных.

Девушка набрала было в грудь воздуха, чтобы похвалить певца, когда старик извлек из-за пазухи пастушью дудочку. Птичка встряхнулась на плече и увидела русоволосую девушку. В черных соловьиных глазах померещилась мольба: «Не мешай». Девушка тихо выдохнула.

Морщинистые губы тронули сопель, и красивая мелодия понеслась вслед за улетевшей песней. Ласковому наигрышу вторил серый комочек. Пронзительными, пробирающими до глубины души трелями невзрачная птаха рисовала искусную вязь.

У девушки перехватило дыхание, а из глаз пуще прежнего полились горячие капли, слезы радости. Чарующая дудочка обещала, что всё будет хорошо. Рулады маленького певца вели мелодию за собой. Они вместе касались верхушек облаков и падали, чтобы взлететь ещё выше. И завтра будет новый день – пели они – и всё наладится, и люди станут немного добрее, немного лучше, немного счастливее.

Волшебная мелодия оборвалась на пронзительной ноте и словно провела перышком по душе. Старик тяжело вздохнул

и аккуратно убрал дудочку-сопель.

– Дедушка! Как же ты дивно поешь и играешь! – не смогла удержаться девушка.

Старик вздрогнул, усталые глаза поднялись на девушку:

– Давно ль ты здесь, краса-девица?

– Только твою песню прослушала да переливы соловушки.

Очень уж вы жалостливо выводите, аж сердце разрывается на мелкие кусочки. Но так хорошо потом, словно утренней росой душу окропили, – всхлипнула девушка и вытерла глаза кончиком платка.

– Спасибо, красавица, за слова добрые. Давно я здесь не был, вот и накатила грусть-тоска по родным местам. А птаха вольная песней поддержала, – произнес старик, сучковатые пальцы осторожно пригладили перья соловья. – Прибилась на днях, все же не так скучно по ковылю ступать.

– Уезжал куда, деда? – девушка помогает старику встать.

– Да, уезжал, – вздыхает старик. – Три года провел в поисках, а нашел возле дома.

– Три года? Знать, много где побывал? Много чего видел?

Старик и девушка осторожно спускались с утеса, серая птичка крепко вцепилась в рубаху. Из-под ног прыскали ящерки, издали доносились жалобы кукушки на тяжелую долю.

– Побывал на востоке, где восходящее солнце окрасило кожу людей в желтый цвет. На западе тоже искал, там от за-

катного солнца у всех кожа красная. На юге особенно жарко, поэтому люди голые ходят, черные как головешки в печи. Непривычно везде для северян, ох и непривычно. Всё одно дома краше! – старик смотрел на заливные луга, линию густого леса на виднокрае.

– А что искал-то, деда?

– Цветок, что сравнится по красоте с моей любимой. Искал далеко, а нашел почти под боком. Теперь несу своей избраннице. Зарок у нас такой случился: принесу цветок, и она выйдет замуж за меня.

При этих словах соловушка издала жалобную трель.

Девушка внимательно слушала старика, поддерживала его за локоть при спуске.

– Цветок-то нашел, да только куда ей такой старый-то нужен буду? На него обменял у колдуна свою молодость, но зато зарок исполню – докажу свою любовь. А там будь что будет, – побряхтывал старик. Больше себя успокаивал, чем рассказывал девушке.

Он достал из-за пазухи небольшой мешочек. Из вышитого кисета протянулась вверх черная ромашка. Ничего особенного, но взгляд притягивает – не оторвать. Лепестки, прожилки, листья – никакому мастеру не повторить. Поставь рядом с самыми красивыми цветами – не увидишь цветов.

– Ой, деда, ты никак шутить надо мной вздумал? Совсем глупой считаешь, если старые сказки рассказываешь? Ох, и насмешил... а цветок и взаправду красивый.

Нахмурившийся старик убирал ромашку обратно.

– Не сказки то, девица! Три года я искал цветок, а нашел недалече отсюда, в хижине у колдуна. Видать, поселился здесь за время моего путешествия, коли я не слышал о нем никогда. Попросился к нему переночевать, а он давай отказываться, мол, ночи у него длинные. Но всё же упросил, а утром заметил во дворе эту красоту неземную. Я совсем было отчаялся, и с повинной домой возвращался – а тут такой подарок. Колдун продать не согласился, но предложил обменять на молодость. А мне без любимой и молодость ни к чему. Вот и поменялись.

– Деда, перестань над наивностью смеяться! Какие ты три года искал? В нашей деревне рассказывали, как молодой пастух тридцать лет назад влюбился в местную красавицу Ладославу да жениться ей предложил. А та в ответ: «Принеси цветок, что по красоте со мной сравнится, тогда и выйду за тебя замуж!» Парень ушел и пропал. А Ладослава покоя не находила, всё корила себя за насмешку над молодым и лет через пять тоже исчезла. Говорят, что сбросилась с этого утеса. Но это все до моего рождения было. Да и нет у нас поблизости никакого колдуна. Дедушка, что с тобой? – девушка подхватила тщедушное тело.

Старик побледнел и опустился на землю. Ноги не держали. Из черных бусинок-глаз птички полились мелкие слезы.

– Как звать-то тебя, девушка? И кто твои родители? – выдохнул старик.

Из сухой груди рвется отчаянный крик. Но старик ждет ответа, хватается за спасительную ниточку надежды, что все это неправда, и девушка разыгрывает его. Вот, сейчас. Вот. Сейчас она рассмеется, и вместе продолжат путь. А там...

– Родитель мой, Гордибор-кузнец, Яромилой назвал. Деда, может знахаря позвать? На тебе лица нет, – отвечала девушка, суетясь возле старика.

– Не надо, Яромилушка. Ты иди домой, а я посижу немного, охолону да и пойду потихоньку дальше. Кланяйся отцу, немало мы с ним игрищ провели, а на кулачках всегда спина к спине стояли. Иди, девица, иди, – пробормотал старик.

Седая голова опустилась ниже. Птичка на плече огорченно выводила трели, словно утешала старика.

– Так ли всё хорошо, дедушка? – Яромила дожидалась кивка и снова спрашивала. – А от кого поклон-то передавать?

– Скажи, что от Егория, – улыбнулся старик.

Горечи в этой улыбке было больше, чем в кусте старой полыни.

Девушка оставила сидящего старика и побежала домой, намереваясь позвать знахаря. Мимо пролетал чертополох, васильки берегли лохматые головки от босых ступней. Яромила торопилась, репей впивался в подол, одуванчики осыпали мелкими пушинками.

На горизонте показался край деревни, когда Яромила неожиданно остановилась.

Егорий!

Именно так звали того пастуха!

А она своими словами...

Девушка бросилась назад.

Издалека слышны отчаянные соловьиные трели... Утес...

Седовласая фигура на вершине... Она не успевает...

Чтобы окрикнуть не хватает дыхания.

Еще шаг и старик упадет. В руках покачивается черная ромашка. Над седой головой кружится птичка, кидается крохотным тельцем на грудь.

Яромила бежала. Под ноги попалась кротовина. Упала на землю.

– Стой, – прошептали перепачканные землей губы.

По запыленным щекам пролились две дорожки. Растрепанные волосы лезли в глаза.

Пронзительный крик сокола в вышине...

Шаг...

Из косматых туч ослепительно сверкнула молния, золотым росчерком ударила вниз, к дубу. Грохот грома прижал травинки к земле.

В старика врезался огромный белый сокол, и Егорий отшатнулся назад. Цветок упал на землю, к другим ромашкам, белым. Пастух безучастно смотрел, как сокол ударился о землю. Напротив Егория встал глубокий старец в светлых одеждах.

– Так вот кто был колдуном, Великий Род... – сказал Его-

рий. – Жестокий ты. И время забрал, и молодость, и Ладославушку. Отойди в сторону, я хочу забыться. Не осталось у меня ничего, ни веры, ни надежды, ни любви.

– Так ты распоряжаешься дарами, данными свыше? – громовым раскатом прогремел голос, Яромила вжалась в нагретую траву. – За прихоть любимой ты отдал молодость, а сейчас еще и жизнь хочешь отдать неизвестно за что!

К шее Егория жалась серенькая птичка. Тельце дрожало, тихие трели звучали как всхлипы. Пастух снял её с плеча, но соловушка снова взлетела на прежнее место.

Громогласный старец кивнул на птичку.

– И она также отдала свою человеческую жизнь за возможность быть с тобой, Егорий! Как и тебе, я не дал ей сорваться с обрыва. Тогда она попросила только об одном – всегда быть с тобой рядом, и неважно, в каком обличье.

Егорий удивленно посмотрел на старца. Кругом всё замерло. Могучий дуб не позволял шевельнуться и листочку.

– Разозлили вы меня оба, но коли любите друг друга, то могу помочь вам соединиться вновь, – прогремел старец.

– Ты видишь, что нам жизнь друг без друга не дорога, – выдохнул Егорий.

Он держал в руке небольшую птичку. Держал как драгоценный кубок из тончайшего хрусталя, боялся пошевелиться, чтобы не разбить.

– Ты говорил о любви, она в твоих руках. Ты говорил о вере, она в твоём сердце, коли сразу узнал меня. Ты говорил

о надежде, так подними с земли цветок.

У Егория в руках чёрный цветок окрасился белым.

Обычная луговая ромашка...

– Видишь, на что ты променял молодость? На обыкновенную ромашку! – Егорий склонил голову, а старец обратился к птичке. – А ты хочешь остаться с ним, хотя ему осталось две седмицы?

Чёрный клювик тут же опустился.

– Великий Род, зачем ты так? – молвил Егорий. – Если бы не ты, то не прошло бы столько времени за одну ночь.

– Я проучил вас!!! Отдал бы ты цветок, а она захотела чего-нибудь ещё. И, в конце концов, ты бы сложил голову за очередную прихоть, и она осталась ни с чем! Безумные влюбленные, вы видите – из-за чего друг друга мучаете? Вы не бережете того, что имеете!

Белый лепесток плавно спустился к башмачкам девушки, возникшей из пустоты. Взлетевшие серые перышки подхватил ветерок и весело унес их прочь.

– Ладославушка, – прошептал молодой парень с ромашкой в руках.

Статная девушка прижалась лицом к широкой груди. Беззвучные рыдания начали сотрясать стройное тело.

– Мне нужен пастух для волков, чтобы поддерживать равновесие между зверями и людьми. Судить будешь справедливо. А тебе, краса-девица, зарок – будешь томить переливами влюбленные сердца и петь на радость людям. За доб-

рую службу, раз в сто лет – вы целый день будете вместе. Как упадет один лепесток, так и свидитесь. Так будет, покуда полностью не облетит ромашка. А как наказание исполните, то оставлю вас в покое. Найду нового пастуха и певунью.

Егорий кивнул в ответ и тут же забыл обо всем на свете. Он обнял дорогое и любимое создание.

– Что ж, Волчий Пастырь, оставляю вас до завтрашнего утра, – прогудел старец, и тут его взгляд упал на Яромилу, застывшую в траве. – А ты что, егоза, подслушиваешь да подсматриваешь?

– Ой! Мне бы тоже такую любовь, – прошептала девушка, размазывая по щекам пыль пополам со слезами.

– Будет у тебя любовь, и жених будет, и детей куча. А сейчас оставим их вдвоем, очень долго они еще не увидятся. Чего лежишь? Цыть отсюда! – Яромилу словно ветром унесло с утеса.

В предзакатном небе звонко скрежетнул соколиный клич. Яромила обернулась.

На утесе, под старым дубом, обнималась влюбленная пара. Кругом всё молчало, боялось потревожить молчащих людей. Слова не нужны – они сердцами общались друг с другом. Глаза в глаза – не насмотреться, не оторваться. Они одни на Земле, и им не до сна, в этот волшебный и сказочный вечер.

Бабушка Яромила рассказывала эту историю сорока двум внукам и ста пятидесяти пяти правнукам, но те принима-

ли ее правдивую историю за добрую сказку. Тогда грустная Яромила дожидалась погожей летней ночи и выводила неверующих на улицу.

При полной луне над лесами и полями иногда пролетал далекий волчий вой. В звучащую кручину вплетались нежные переливы соловьиного пения. От этой суровой тоски и мягкой надежды на будущее что-то сжималось в груди у детишек.

Улыбалась Яромила и учила девочек гадать на цветке надежды – "Любит – не любит"...»

Наступает тишина, и образы сказки понемногу утекают сквозь печную заслонку.

– Агу! – комментирует нежное существо из кроватки. – Агу-гу.

– Ой, Ульянушка! Тебе так сказка понравилась, что описалась от восторга? – темноволосая девушка улыбается и откладывает книгу в сторону.

Открывается дверь. Я невольно хватаюсь за топорище.

Вошедший парень грохочет охалкой дров у шумящей печи. В печурке гудит и потрескивает. Его белые зубы блестят в свете настольной лампы:

– Как дела у самых красивых девчонок на свете?

– Всё хорошо, Слава! Вот сказки читаем, – девушка с нежностью смотрит на парня.

Я смотрю на ребёнка своего друга, на бывшую девушку своего друга и... на знакомого своего друга. Вряд ли Алек-

сандр после всего произошедшего сможет назвать Вячеслава товарищем. Хотя... ему явно будет не до этого.

Из-под агукающего существа вынимают мокрую пеленку. Это в больших городах одноразовые памперсы – у нас же в лесной избушке мама Люда то и дело перестирывает мокрые лоскутки.

Темноволосая девушка ласково смотрит на Вячеслава. Мне становится немного тоскливо – за прошедшие двадцать лет я никогда не ловил таких взглядов. Чтобы не смущать их, я подхожу к кроватке, где розовая прелестница шевелит ручонками в беспорядочном танце.

Триединство в одном ребёнке. Дочь сына убийцы пастыря и берендейки. Крайне редкое явление. Пускающее слюни создание. Последняя кровь... Та, на кого идет охота. И та, кто может прекратить войну кланов. Прекратить навсегда...

– Евгений, чего задумался? – спрашивает Вячеслав.

Он весело улыбается, но озабоченность в глазах выдает с головой. Я тоже улыбаюсь в ответ – девчата не должны догадываться, что за дверью рыщет безжалостная смерть. Жестокая, беспощадная, в полной мере вкушившая крови людей, перевертней и берендеев. Не нужно пугать девчонок, возможно, мы продержимся до подхода охотников.

– Вспоминаю, как всё началось, как в один миг всё завертелось кувыркром! – я отвечаю и подмигиваю болтающей ногой Ульяне. Она растягивает губы в беззубой улыбке.

Вход в Игру

Всё началось по весне. Как сейчас помню тот хреновый день моего вхождения в Игру...

Экзамены, диплом. Составляю и рисую чертежи фабрики. Они никому не нужны, но преподаватели делают вид, что это крайне важно. Голова разрывается от навалившегося мозгового напряжения. А на улице весна, а на улице одуванчики и голоногие девчонки...

Цифры, линии, снова цифры. Что? Куда? Зачем? За что в первую очередь хвататься? Тяжела доля студента перед сдачей итоговых экзаменов и диплома...

Родные ходят мимо комнаты на цыпочках. Боятся, что сорвусь и нахамлю. Нервы на пределе – три года издевался над нашей заведующей, теперь же пришла её очередь отрываться. Каждый день ловлю ехидную улыбку. Вот он – счастливый день для мерзопакостной душонки! Засыпаю с мыслями о дипломе и с ними же просыпаюсь.

И майским днем я решаю поиграть в приставку. С тех пор, как забрал её из Сашкиной комнаты, ни разу не садился. И вот захотелось убежать в параллельные миры, где можно помочить врагов и сбросить агрессию. Раскидать гормоны по джойстику...

Опаньки, а что это за игра? Такого катриджа у меня не было. «Война кланов». Ну-ну, посмотрим...

На экран выходит заставка и следом буквы:
Добро пожаловать в ВОЙНУ КЛАНОВ
Выбери игрока

Мне почему-то нравится медведь с наручными браслетами. Прикольный он какой-то, морда ещё такая злая, того и гляди вылезет из экрана, как тетка из фильма «Звонок» и на-костыляет всем врагам.

Ага! Его и выберем...

Стоит мне только нажать на кнопку джойстика, как тут же слышится треск короткого замыкания и я отлетаю прочь...

Да мало того отлетаю – я погружаюсь в сон. Или вырубаюсь, как кому нравится.

Снилось мне, как бились на заснеженной равнине трое: человек, берендей, перевертень. Завывала выюга, ветер хлестал снежными ударами со всех сторон. Бородатый мужчина отбивался топором-аргуном. Станным был тот топор – блестел заточенным лезвием кельт из меди.

Берендей превосходил ростом своих соперников, а перевертень проворством и ловкостью. Снежный туман шел стеной. Из пелены появлялись мощные лапы, спины, голова с буйными кудрями.

Заунывный вой, человеческий голос, выкрикивающий непонятные слова, рев рассерженного зверя вторили стена-ниям выюги. Я наблюдал со стороны, но знал, что сошлись трое по договоренности. Знал, что бьются они до смерти.

Знал, что пощады никто не попросит, да никто и не даст.

Я наблюдал бесплотным духом, кружился около сражающихся. Вот берендей сграбастал в объятия человека, и огромные клыки скользнули по колечкам кольчуги. Человек ужом вырвался из смертельного захвата и рубанул по ногам берендея. Ступня перевертня ударила по топорищу и отбросила человека прочь. Бородач удержался на ногах и кинул крик в небо.

– Черным небом, белой луной,
Заклинаю кровью и медной слюдой.
Ослабь силы лютых врагов,
Даруй мне силы сотни богов!

Я поежился от этого заклинания. Кельт аргуна заалел. Снежинки шипели, когда касались его. Перевертень в это время кинулся на спину берендея, и они оба покатались по земле. Человек подбирался ближе к кусающимся и рычащим оборотням. Один удачный удар и он победитель!

Берендей отшвырнул перевертня, и тот сбил человека с ног. Бородач вскочил первым и занес над поверженным оборотнем раскаленный топор. Перевертень оттолкнулся лапами от заснеженной земли, кельт вонзился между мохнатых корневищ. Огромная лапа ударила в ответ. Кольчуга вновь спасла человека, но отлетел он на добрый десяток метров. Топор остался торчать в заледеневшей корке.

Перевертень кинулся к берендею, который летел в их сторону. Из-под лопатообразных лап веером выметывался снег,

глубокие следы оставались на белом покрове. За ним тянулась ниточка красных брызг. Горячая кровь прожигала в сугробах глубокие норки и их тут же заносили новые порции белых мух.

Берендей сбил своей массой перевертня и проехался на нем, как на санях, несколько метров. Когтистые лапы шлепали по серой морде. Белые клыки до половины окрасились красным. Перевертень выл и рвал когтями живот берендея.

Человек достал из-за пазухи несколько стержней. Он что-то шептал, но я не мог разобрать в завываниях ветра, рычании и смачных шлепках. Ему не удалось воспользоваться иглами, также как и топором...

Берендей краем глаза следил за бородачем и успел перехватить удар в основание шеи. Он выпрямился, поднял бородача за сжатый кулак и в несколько движений вырвал иглы из окровавленной ладони. Уже занес лапу, чтобы снести кучерявую голову, но в этот момент зубы перевертня сомкнулись на бурой шерсти ноги и берендей взвыл, выронив человека...

Я метался бесплотным духом, я следил... я запоминал...

Видел, как уклонился от замаха человек, как ударил перевертень, как присел и выпрыгнул берендей. Битва продолжалась долго, трое бойцов вытоптали широкий круг, увлажнили его своей кровью. С высоты казалось, что это ещё один круг инопланетян, какие появлялись на кукурузных полях.

Никто не мог взять верх.

Наступил короткий миг передышки, когда берендей отшвырнул в сторону перевертня и откинул человека. Трое встали по краям алого круга – проводи между ними прямые, получится правильный треугольник. Трое смотрели друг на друга. От усталости дрожали руки, лапы. В глазах сверкала всё та же непримиримая ненависть. Они понимали, что не могут одолеть противников.

– Договор! – хрипло выкрикнул человек.

– Договор! – прорычал перевертень.

– Договор! – прогрохотал берендей.

Я носился бесплотным духом, видел, как они подошли вплотную друг к другу.

Я пытался протиснуться к ним, но не смог – словно хрустальный кокон окружил троицу. Человек вытянул вперед дрожащую руку, сверху легла лапа перевертня. Какой удобный момент для удара – один взмах двумя лапами и перевертень и человек больше не поднимут головы от бело-красной простыни площадки... Берендей положил лапу сверху.

Я не слышал, о чем они договаривались. Пытался прочесть по губам, но лица и морды расплывались в снежной завесе. Три фигуры стояли в центре алого круга. Их заносил снег, превращая в соляные столбы. Вьюга завывала ещё пронзительней. Ветер пытался сорвать с равнины три помехи, о которые спотыкался. Три фигуры в центре светло-красного круга...

– Твою же мать!

Я прихожу в себя и ошалело смотрю на экран, на себя, лежащего на полу. На экране всё та же заставка, ничего не произошло. А я...

Я кидаю взгляд на чертеж фабрики на столе. Надо бы доделать. Надо бы...

Нет, всё! На сегодня хватит!

И так вырубают ни с того, ни с сего. На свежий воздух! В пампасы!

Карандаш летит в сторону кровати, туда же отправляется и линейка. Надо прокатиться, сменить обстановку. Набивший оскомину чертеж остается на столе. Чтобы он не свернулся – придавливаю край фотографией в рамке. На фотографии мои родители, а рамка сделана давным-давно на уроке труда.

Рядом ставлю свою фотку. Эта у меня со школы, где недавний я, уже с короткой стрижкой пепельно-серых волос, скуластый и высокий, смотрю в будущее с надеждой и верой. Припухлых губ не касался фильтр сигареты, на оттопыренные уши не вешали лапшу расчетливые девчонки. Красавчик, да и только. Правда, сейчас ещё лучше выгляжу, почти как Ди Каприо сельского разлива.

На тело синюю футболку. Она должна красиво подчеркнуть подкаченную грудь и даже показать соски. Что? Не только девушки выставляют свои прелести на показ. Зря я что ли всю зиму в спортзале корпел? Джинсы не новые, но

удобные и разношенные. На ноги кроссовки – вроде бы готов к прогулке.

– Пап! Можно я возьму машину? До Сашки прокачусь, развеюсь. А то мозги кипят, скоро из ушей полезут, – я захожу в гостиную.

Высокое солнце кидает прямоугольник желтого света на красноватый ковер. В стекле старенького серванта отражается мерцающий квадрат телевизора. По центральному каналу идет очередное обсуждение чего-то очень важного для электората. Отец смотрит поверх газеты.

– Надолго?

Эх, если бы знать как надолго.

– Нет, пап. Туда и обратно. Посидим, я ему пожелаю, он посочувствует – всё же легче будет. И я сразу обратно. За пять-шесть часов обернусь.

– Эх, Женька, по возвращении с тебя мойка! А то постоянно в гараж грязную загоняешь, – отец поднимается из кресла и проходит до серванта.

Большой как медведь, ещё не успевший заплыть жиром, но уже с пивным животиком. Залысины скоро встретятся на макушке, но пока курчавые волосы ещё сопротивляются возрасту. Носом-картошкой и глазами чуть навывкате я похож на него, а губы и уши уже мамины.

– Замётано!

Тихо скрипит дверца серванта, по краю чашки звякают ключи. Вот они, заветные, ключ от гаража и ключ от ма-

шины. Брелочком болтается модель футбольной бутсы – папа заядлый болельщик за «Спартак». Я же фанат «Зенита», поэтому мама всегда убегает из дома, когда наши команды встречаются на поле.

– Мать, выдай ему на бензин. Или со стипендии заправишься? – спрашивает отец.

– Пап, от стипендии даже на жвачку не осталось. Но я обязательно верну, с первой же пенсии. Зуб даю!

– Дожить бы до твоей пенсии, – вставляет слово вошедшая мать и протягивает деньги.

Невысокая, пухленькая, рядом с отцом смотрелась как неуклюжий щенок рядом с мастиффом. Но красивая... Идеальная пара. Я улыбаюсь.

– Доживете, ещё и правнуков будете нянчить!

Знал бы я тогда, чем всё обернется – ни за что бы из дома носа не высунул. Сидел бы, корпел над своей фабрикой, чертил бы никому не нужные графики и чертежи...

Машина заводится с полуоборота. Рука привычно ложится на упругий руль. Отец всегда следит за своей «ласточкой», да и я приложил к ней немало трудов и сил. «Буханка» медленно и величаво выкатывается на прогретый за день асфальт. День радует солнечным теплом. Такая радость бывает только в мае, когда после долгой зимы можно выйти в шортах на улицу, не боясь отморозить «бубенчики».

Пролетают мимо деревеньки. За широкими полями темнеют густые леса. Так же, как и деревни пролетают воспо-

минания. Вот тут полгода назад я радовался освобождению Александра из СИЗО. Вот тут нас остановили для проверки, а тут поворот на Палех. За время, прошедшее с той самой злополучной драки, многое изменилось, как для меня, так и для Александра. Его и вовсе отчислили из техникума, а на меня начали смотреть как на пособника убийце. Хотя потом всё прояснилось, но как в старом анекдоте «неприязнь за ложечки осталась».

Да и череда смертей, прокатившихся по городу и области, отодвинула на задний план нашу драку. Приехавшие из Москвы оперативники только разводили руками, не в силах вычислить убийц, или хотя бы найти какую-нибудь зацепку. Людей находили в разных местах, нередко аккуратно упакованными в пластиковые мешки для мусора. Задушенные, избитые, измочаленные, словно их живыми кинули под колонну «Камазов». Соседи этих людей ничего не знали о смерти. Отзывались только положительно, и вовсе не потому, что о покойниках либо хорошее, либо ничего. Я тоже был шапочно знаком с двумя убитыми, мы с отцом несколько раз помогали им с машинами.

Люди в страхе уезжали из города, отец строго-настрого запретил мне и матери выходить после десяти вечера на улицу. И это студенту!!!

Самое время для прогулок при луне и робких объяснений в любви и вечной преданности!!!

Эти аргументы никак не повлияли на отца, он пригрозил

воспользоваться ремнем. С приближением ночи город замирал, ожидая, на кого сегодня покажет костлявым пальцем старуха с косой. Мужики запасались ружьями, ножами и топорами. По пустынным ночным улицам катались машины с проблесковыми маячками.

Однако, вскоре после того, как с нас сняли все обвинения, и я обрадовал Александра, убийства прекратились. Я отдал его пассии бумажку с несколькими словами. Юлька-кареглазка радостно вспыхнула и убежала, даже не поблагодарив. Эх, девушки...

А теперь я еду к Александру. Давно его не видел, даже чуточку соскучился.

По радио играет какая-то классическая музыка то ли Бах, то ли Моцарт. Я переключаю на другую волну. Вскоре выныривает знакомое село. Только что-то изменилось... Что-то не так. Может во взглядах редких людей, может в горлающем воронье, которые тучами носятся над селом. Пахнет чем-то горелым.

Я подъезжаю к дому Александра. Аккуратный домик, крашеный красным суриком, утопает в кустах сирени. Зеленый забор гармонирует с листьями и почти не отличим от общей массы. Калитка слегка покачивается на ветру.

Странно.

Тётя Маша имеет маленький пунктик— всегда закрывает её и завязывает на веревку с какими-то мешочками. Ну, каждый сходит с ума по-своему, поэтому я предпочитаю не за-

мечать таких странностей. Всё же тётка она мировая. А сейчас веревка валяется на земле...

Коричневые ступени скрипят под моим весом. Я стучу в тяжелую дверь. Тишина, никакого шевеления в доме. Повторный стук приносит тот же результат. Никого нет дома – зря только приехал.

– Парень! Ты к Марии, что ль? – окликает меня женский голос.

– Да я больше к Сашке. Не подскажите, они ушли куда-то? – оборачиваюсь я на голос.

Благообразная старушка, о таких принято говорить «кумушка». Они занимают скамеечки у подъездов, когда начинает пригревать солнце. К резиновым галошам храбро жметс­я черно-белый кобелек, недоверчиво повиливающий хвостом.

– Ой, парень! Тут такое ночью-то было-о-о. Марию-то волки покусали, на «Скорой» увезли. И Сашка-то куда-то подевался. И пожар и волки! Ой, что-то неладное творится. Никак конец света приходит?

– Какой пожар?

– Дык повернися, вон же один остов от храма остался. Ой, что будет-то. И воронье откуда-то взялось.

Я поворачиваюсь вслед за указующим пальцем. Так вот откуда тянет горелым. Между почерневших балок сгоревшего храма бродят люди. Крыша провалилась вовнутрь, бревенчатая стена рассыпалась как спички из коробка. Так сго-

рел первый в России храм Уара, где близкие могли отмо-
лить "непрощаемых" грешников: самоубийц, бандитов, про-
ституток и наркоманов. Над пожарищем и кружится огром-
ная крикливая стая. Птицы словно сами тушили пожар – та-
кими черными кажутся на фоне голубого неба.

– А куда повезли тётю Машу?

– Дык это, в Шую-то и повезли. У нас-то не лечат такие
раны, а у нее всё тело исполосовано. И откуда только взялись,
проклятушие! – старушка грозит в сторону леса сухоньким
кулачком.

– Что ж, спасибо! Поеду обратно, а то хотел в гости на-
проситься, но заеду как-нибудь потом, – я сбегаю со ступе-
нек и сажусь в машину.

– Мож, передать чего надо? – кидает мне в спину старуш-
ка.

Похоже, что она рада любому собеседнику. Цуцик осме-
ливается тявкнуть на заведенную машину.

– Да нет, ничего не надо, я позже заскочу. Ещё раз спаси-
бо!

Собака провожает тявканьем до околицы и, закрутив
хвост бубликом, гордо бежит обратно. Непонятное что-то
творится. Если Александр пропал, то он может быть у Миха-
ила Ивановича. Я помню, как подвозил этого мощного муж-
чину до «Медвежьего» – решаю заскочить, всё одно по пути.
Может, он что-нибудь знает. Эх, лучше бы я в миг «прозре-
ния» крутанул руль и съехал в обочину...

Музыка, мелькание белых полос, зелень последних дней весны – всё настраивает на спокойствие. Мозги понемногу размягчаются, отдыхают. Может, именно поэтому я и подумал об Иваныче...

В «Медвежьем» тоже никого нет дома, только насмешливо пляшет сверху разноцветный дракон. Дом у Иваныча большой, солидный, под стать хозяину. Красные стены сверкают свежей краской. Перекопанный палисадник по краям украшают зеленые кусты смородины. Я кидаю камешки в оконное стекло и уже почти собираюсь уезжать, когда из соседнего дома выходит девушка. Высокая, статная, симпатичная – настоящая русская красавица. Правда домашний халат вместо сарафана немного портит впечатление, зато прибавляет сексуальности.

– Здравствуйте! Не подскажите, где могут быть хозяева?

– А зачем они вам? – спрашивает девушка низким грудным голосом. У меня даже мурашки появляются на коже от такого звучания. Ей бы песни петь, тягучие, да длинные – со сцены бы не выпускали.

Её припухшие глаза выдают недавние слезы. Она подходит к своему забору, чтобы лучше слышать. Я тоже подсказываю поближе этаким заигрывающим петушком.

– Друга своего ищу, он может быть у Иваныча. Дома его не оказалось, боюсь, что снова попадет в какую-нибудь передрыгу и без меня, – я улыбаюсь во все свои тридцать два зуба.

Легкий флирт никогда не повредит. Да и с этими экза-

менами и контрольными вообще успел забыть, как пахнет особа противоположного пола. Девушка красива именно той русской красотой, о которой так любят мечтать иностранцы. Русые волосы, большие карие глаза, высокая грудь и пухлые губы.

– А как вашего друга зовут? Может, я помогу? Вы мне, а я вам, – улыбается в ответ девушка.

Ух! Какие зубы, какие ямочки! Маленький, но успех!

Надо бы вспомнить все азы охмурения. Может, утром я буду накормлен блинчиками с медом в благодарность за чудесную ночь. Отцу расскажу, как принял на грудь в Мугрево и остался там ночевать. Всё равно Александра сейчас не найду, а тётку его навещу завтра. Но шанс выгулять «маленького Женьку» тоже упускать нельзя.

– Александр Алешин, но вряд ли он вам известен, – судя по помрачневшему лицу девушки, мой друг ей знаком. И знакомство у них вряд ли хорошее.

– Да, знаю. Он был здесь недавно, но они все вместе уехали. Развяжите, пожалуйста, верёвку на заборе, я расскажу, где его найти.

– Вы тоже, как и тётя Маша, верите в эти суеверия? – спрашиваю я, пока развязываю знакомую веревочку.

– Да, скоро и ты поверишь!

Верёвка не успела упасть на землю, как девушка со всей силы толкает дощатую калитку. Я отлетаю прочь, дурачки взмахнув руками, но выкрикнувшая странные слова ловит

меня за кисть. Предплечье взрывается острой болью.

– Ай, бл... – вырывается у меня.

– Стой!!! – грохочет сзади.

Я смотрю, как девушка впивается в руку огромными зубами, в три раза длиннее обычных. От неожиданности я застываю на месте. Как же на это реагировать?

Подлетевший темноволосый парень с размаху бьет девушку в лоб. Она опрокидывается навзничь. Полы халатика разлетаются в стороны, открывают крепкие, гладкие ноги и показывают кружевную вязь тонких трусиков.

– Федя, он же друг охотника! – вместе с кровавыми брызгами выплескивается девичий крик.

– Дура! Куда ты лезешь? Он человек! – парень встает над ней, кулаки в бешенстве сжимаются так сильно, что если ему подсунуть грецкие орехи, то ведер десять бы точно наколол.

Я в недоумении смотрю на свою руку. Круглые следы от зубов наполняются темной кровью. Она капает на подорожник и скатывается пыльными шариками с зелени листов. Первый шок уходит в сторону, и огонь заполняет дырки вместе с буровой жидкостью. Жестко оборванные нервы пульсируют раскаленными иголками, сеточка вен вокруг укуса темнеет и прорезается на фоне белой кожи темной паутиной.

– Я хотела как лучше! Феденька! Ты живой! Я так рада! – девушка кидается обнимать парня, но тот отталкивает её.

– Да живой я! Горе ты моё! Быстро в дом и размачивай

листья! – командует парень.

Его скуластое лицо исцарапано, одежда висит лохмотьями и запылена до такой степени, словно ею протирали дорожный асфальт. Карман клетчатой безрукавки болтается на последнем стежке, нескольких пуговиц не хватает.

– Пойдем! Рану обрабатываем! – он тянет меня за собой.

Выкрашенный желтой краской дом провожает нас взглядами окон. Чистенькие сени встречают легким запахом луговых трав, иван-чая и ромашки. С кухни доносится стеклянный звон сдвигаемой посуды.

Руку ломит невероятно. Кажется, что её отпиливают старой ржавой пилой.

Медленно и с садистским наслаждением...

Паутина чернеющих пульсирующих вен поднимается к плечу, также захватывает пальцы. «Я отравлен!» – мысли ползут как-то отрешенно, вяло, перед глазами стоят огромные клыки девушки.

Если бы не ватные ноги, то я кинулся бы прочь из этого места. Кусаящая девушка, командующий побитый парень. Всё это так странно. И черная сеточка на руке идет от раны к телу. В голове катаются раскаленные утюги, разглаживают мысли, обжигают краями кости черепа...

Земля поднимается горой, и меня неуклонно тянет в сторону. Я лежу на стенке, а меня продавливает сквозь неё...

Гора продолжает вздыматься, ещё чуть-чуть и я сползу на потолок...

– Парень! Эй, парень! Не закрывай глаза, держись! – по щеке хлопает разделочная доска.

Я открываю глаза, Федор бьет ладонью ещё раз. «Какие же твердые у него ладони» – прокатывается одинокая мысль.

Девушка суетится возле газовой плиты, держит над свистящим носиком какие-то сушеные листья. Широкие, арбузно-полосатые. Два влажных листа Федор прихлопывает к моей руке.

Пузырится сочащаяся кровь... Несколько оборванных проводов подводят к ране... Руку пропускают в мясорубку, миллиметр за миллиметром... Боль хлещет колючей проволокой и тут же посыпает солью сорванную кожу...

– А-а-а!!! – кто-то дико кричит на маленькой кухне.

– Терпи, братишка! – пробивается сквозь крик участливый голос парня.

Так это я кричу?

От этой новости мой рот сам собой захлопывается, только зубы лязгают... Не такие огромные, как у девушки. Обычные. Я не оставляю попыток выдернуть руку из железных тисков. Парень с именем Фёдор держит крепко, костистое колено прищипливает меня к стене, не дает вскочить.

Я смотрю на руку – паутинка уже проникает под рукав футболки... Огонь проникает вместе с ней...

– Ножницы! – кричит Федор.

Девушка бежит в комнату и через несколько секунд моя футболка распадается на плече. Паутинка подбирается к

сердцу... Я удивленно смотрю на причудливую вязь чернеющих вен. Если она дойдет до сердца – я умру?

Деревянная стенка перегородки нагревается под моей спиной. С умывальника в трех шагах меланхолично капает в подставленный таз. Почему я это отмечаю? Сквозь занавески светит приветливое солнце, а я корчусь на небольшой кухне под коленом незнакомого парня.

Хочется вырваться, бежать прочь от этих странных людей. Бежать куда глаза глядят. Бежать к машине, и потом мчаться прочь от боли, от пугающих людей, от всего этого кошмара. Тихий стон пролезает сквозь стиснутые губы, когда два новых листа ложатся на место старых. Кровь продолжает сочиться, с каждым толчком сердца выходит небольшое количество.

Ещё и ещё...

Чёрная сеточка то приближается к сердцу, то отдаляется от него... Пульсирует. Живет своей жизнью.

– Держись, парень! Сейчас, сейчас! – в руке Фёдора блестит гладкой поверхностью нож.

Скальпельное лезвие разрезает сеточку, кожу, мясо, царапает по кости. Новая волна раскаленного олова выливается на рану, когда кровь начинает шипеть под листьями на надрезе. Окрашивая футболку, течет красная струйка.

– Не отступает! – взвизгивает девушка. Сейчас у неё нормальные, белые зубы.

– Вижу, – огрызается парень.

– Ребят, вызовите врача! – умоляю я сквозь стиснутые зубы.

– Не поможет тебе врач, друг! Тебе уже ничего не поможет, – устало говорит Федор.

Он садится на табурет напротив и закрывает лицо руками. Я пытаюсь вскочить и броситься прочь из комнаты, когда планета в очередной раз ощутимо вращается вокруг своей оси, и меня размазывает по стене... Ни подняться, ни отодвинуться. Только два фонтана боли. Только два колодца страдания.

Парень поднимается со своего места, укоризненно качает головой, посмотрев на девушку.

– Он друг охотника! – упрямо повторяет девушка.

– И что? Давай всех друзей охотников перекушаем и будем жить долго и счастливо! – рывкает Федор.

Про меня они будто забывают... Я же тут, я живой...

Я хочу отползти в сторону, но тело парализовано. Чугунные руки и ноги – нужно вызывать подъемный кран, чтобы переместить их с места на место.

– Ладно, сделанного не воротишь. Придется держать ответ перед Марией и Сашкой. Умойся, Марина! Эх, беда мне с тобой! – смягчается Федор.

Девушка смывает мою кровь с алых губ, но мне кажется, что она облизывается. Кто же она такая?

Сонливость тяжелым прессом сжимает веки. Я клонюсь и падаю на скамью. Дом кружится, как на карусели. Центро-

бежная сила вжимает в стену, в скамейку, в воздух. Ребята не замечают её, эту силу. О чём-то переговариваются между собой, стоят прямо и даже не пошатываются.

Я один её ощущаю?

– Я обещал быть в Шué, так что присмотри за ним. Объясни, что и как. Что за Игра идет... И ни в коем случае до моего прихода не выходи на улицу. Чтобы не произошло! – Федор обнимает плачущую девушку.

– Я думала, что больше не увижу тебя! – рыдает девушка на его плече.

– Я ещё живой! – вырывается из моего рта. – Вызовите «Скорую», твари!

– Ого, он ещё и ругаться может! – грустно улыбается Федор. – Значит, жить будет. Дождитесь нашего возвращения!

Сеточка черных вен расплзается по груди. Полосатые листья прикипают к ранам и не выпускают кровь наружу. Но с каждым биением сердца черная паутина захватывает всё большие участки тела. Отрава покрывает руку целиком, на неё страшно смотреть: распухшая, черно-красная, дрожащая, не моя.

Сердце стучит с частотой огромного маятника... Воздух приходится проталкивать языком... Глаза смыкаются многотонными веками...

«Вот как умирают люди!» – сквозь высокие волны боли продирается одинокая лодочка-мысль.

– Парень! Ты дыши! Дыши чаще! Тогда будет легче! – от-

куда-то издалека доносится девичий голос. — Ты извини меня, родной, что я не сдержалась!

На лоб ложится прохладная ладошка. Я успокаиваюсь... Так мама в детстве прислоняла ладонь к царапине и боль сама собой проходила. Так и сейчас, она уходит в сторону и на её место приходят светлые и расплывчатые образы. Я засыпаю...

Поздравляем

Вы вошли в Игру

Гайд по игре

– Эй, парень! Парень! Ну, вставай же! – твердая рука те-
ребит за плечо. От пальцев пахнет свежестью лимона.

Женский голос не отстает от меня. Назойливой мухой он
влетает в уши и раздражает барабанные перепонки. Я открываю
один глаз. На меня в упор смотрит наглая морда пухлого
кота. Наглый кот обнюхивает моё лицо. За ним виднеются
синие ножки табуретки и симпатичные лодыжки с не менее
симпатичными тапочками.

Это где же я так напился, что уснул на полу? Я сдал ди-
плом и мы отметили? Или просто напоролся с друзьями?

Кот продолжает обнюхивать и возмущенно фыркает, ко-
гда я моргаю в ответ.

– Пошел прочь, чувырло! – сиплю я на него.

Кот флегматично отходит в сторону, похоже, он привык
к подобному отношению. Его пушистые ляжки нахально по-
качиваются – так и подмывает отвесить пинка. Однако очень
и очень не хочется двигаться. Хочется лежать и смотреть на
лодыжки. Или поднять взгляд повыше?

– Парень, поднимайся! – снова звучит женский голос.

Как бы ей объяснить, что мне и на полу хорошо и удобно?
Может, теми же словами, что и коту?

– Оставь меня старуха, я в печали!

– Дурак! – тут же обижается голос. – Я же как лучше хочу!

Перебирайся на кровать, а то простынешь на полу.

Передо мной возникает надпись:

Ваше тело перестраивается под берендея

Возникает и тут же пропадает. Я списываю это на своё состояние – в такой ситуации и не такая хрень привидится. Я пытаюсь перекатиться на спину и тут же воспоминания о том, где я и что со мной, накатывают вместе с режущей болью.

– Твою же мать! – срывается с языка.

– Не трогай мою маму! Я сирота! – звучит голос.

Девушка в цветастом халатике смотрит на меня сверху вниз, а я опять невольно засматриваюсь на правильные черты лица. Словно умелый скульптор трудился не один год над созданием подобной красоты. Грудь выпирает двумя холмами под тонкой цветастой тканью.

Эх, какую бы ночь я ей устроил...

А вместо этого ночь устроила она.

На руку и грудь словно положили по раскаленной головне, даже чудится запах горелого мяса. Когда я пытаюсь перекатиться, то под ухом хрустит чайное блюдце с остатками сухого корма. Белая плошка распадается на две части. Я ловлю недоуменный и укоризненный взгляд кота. Похоже, что мы с ним поладим. Но Боже мой, как же больно...

– А-а-а, изверги! Что вы хотите со мной сделать? – вырывается у меня, когда оставляю попытки снова пошевелиться и обреченно вдыхаю аромат сухого корма.

– Не бойся ничего, парень! Ты попался под горячую руку. Да, я очень виновата перед тобой. Но и ты хорош, сходу начал клеиться, да потом ещё и другом охотника назвался, – ворчит девушка, неожиданно сильными руками помогая мне подняться.

Она держит меня подмышки, как двухлетнего ребенка, нимало не смущается стокилограммового веса. Так однажды держал меня отец, когда я приполз после бурной вечеринки. Но зубы в тот вечер остались целы, чему я несказанно обрадовался наутро и пообещал никогда не позволять себе такого свинства!

Кажется, что это было только вчера...

Эта силачка подмигивает мне и ободряюще улыбается. Я невольно вздрагиваю – вспоминаю огромные зубы на своей руке. Сейчас же они ровными рядами показываются из-под сочных губ. Ноги переступают неуверенно, я словно встал после тяжелой болезни.

– Вот сейчас ляжем на кровать и укроем тебя одеялом. По себе помню, как это больно. Вхождение в Игру для нас всегда болезненно, зато учимся быстрее, чем охотники – у них тоже жизнь не сахар. Вот так подоткнем и тут ещё. Скоро будет готов супчик, похлебаешь немного, – девушка укладывает меня на узкую кровать, приподнимает листья на ране и удовлетворенно хмыкает. – Ничего, до свадьбы заживет.

– А будет ли свадьба? – шепчу я и опять проваливаюсь в темноту, уходя от ноющей боли.

– Будет, я узнавала! – звонкий смех бусинками раскатился по горнице.

Я снова засыпаю. Или теряю сознание, что, впрочем, одно и то же.

Когда открываю глаза, то кажется, что прошло всего лишь несколько минут. Возле носа покачивается глубокая тарелка с серо-желтой жидкостью. По поверхности плавают круги прозрачного жира. Мягко обжигая гортань, горячее блаженство льется в горло. Я глазами показываю, когда нужно остановиться, чтобы сделать вдох.

Девушка придерживает меня за голову, насмешливо щурится. Её глаза иногда переходят с моего лица на перевязанную руку. Видно, что она напугана, но крепится. А ведь совсем недавно она вцепилась в предплечье как голодный бомж в привокзальную шаурму из кошачьего мяса.

Когда успела перевязать?

Сквозь белую марлю проступают красные пятна величиной с рубль. На груди тоже красуется нашлепка, но черной сеточки вен не наблюдается. Футболки нет и в помине. Я опасаясь заглянуть под одеяло – по ощущениям, ноги тоже лишились одежды.

Она только штаны сняла, или..?

Я начинаю кашлять. По лбу скользит мягкая рука. Какое ласковое поглаживание...

– Не торопись, никто у тебя не отберёт! – улыбается девушка.

- Спасибо! – выдыхаю я. – Уже легче. Что со мной?
- Ты оборачиваешься. Ты становишься берендеем...

Простой ответ. Как будто я спрашиваю: «Который час?». Шутки у неё такие? Куда я оборачиваюсь, если смотрю прямо в глаза? Каким берендеем? Снова это слово...

– В смысле?

– Ты перевоплощаешься в оборотня.

– Правда? И буду выть на луну? – вырывается у меня.

– Зря не веришь, спустя сутки мир для тебя станет иным, – звучит в ответ.

– Да иди ты в жопу, родная! Покусили, порезали, в больницу не везете! Да у меня дядя майор милиции, он вас из-под земли достанет, оборотни херовы! – я отталкиваю руку с остатками бульона.

Желтая клякса падает на вязаные половички, расплзается тёмными пятнами. Одно из них очень смахивает на «сапожок» Италии. Девушка вздыхает и отставляет тарелку. Берется за поясок халата.

Ого, стало интереснее, может ещё покричать? Сексуально-озабоченный монстр? И я буду её рабом? Или пищей?

– Не кричи, пожалуйста! – просит девушка.

– Ещё и рот затыкаешь! Думаешь, что я дебил и фильмов не смотрю? Вставила какие-то зубы из магазина приколов, вкачала туда ампулу, чтобы у меня глюки понесли и давай развлекаться! Люди!!! Помогите!!! – я пытаюсь сорваться с кровати, но Земля снова включает непонятную карусель и

меня вжимает в подушку.

– Ты зря мне не веришь, я тебе сейчас докажу, что оборотни существуют. Только постарайся не отключаться и не орать! – словно психолог пациенту говорит девушка. – Не будешь больше горланить?

Её сильная рука закрывает мне рот, и приходится согласнo моргнуть, чтобы убралась ладонь, пахнувшая лимоном. Даже слюна выделяется на цитрусовый запах.

– Брось заливать! Чего ты из меня дурака дела... – слова застревают на полпути, я замираю.

Руки девушки покрываются мехом. Она откидывает поясok с халата, я невольно слежу за его полетом. Он пестрой змеёй падает возле темнеющих ног. Тапочки повисают на черных когтях. Шерсть взрывает девичью кожу изнутри и выплескивается целыми островами коричнево-серого мха. Я невольно пытаюсь отползти от возникающего чудища.

Девушка увеличивается в размерах. Руки растут как под воздействием волшебных стероидов, в какой-то миг они сравниваются по толщине с моими ногами. Халат трещит на вырастающей фигуре, и девушка срывает его с себя.

Девушка?

Я протираю глаза – передо мной возвышается огромный зверь. Похожий на медведя, с удлинёнными лапами и осмысленным взглядом. Загривок упирается в держащую балку на потолке, а это три метра, не меньше. Ноги по толщине могут соперничать с фонарными столбами, клыки длиннее моих

пальцев. Этими-то зубами создание и впилося мне недавно в руку...

Чудовищное соединение человека и медведя.

Далеко выпирающая челюсть перекусит любой рельс, на мощной груди уляжется теленок. Небольшие ушки прижимаются к лобастой башке. И это чудовище улыбается мне, ласково так, мягко, но сердце покрывается ледяной коркой и начинает биться через раз. По мощному бедру сползают лопнувшие кружева бежевых трусиков.

– Ну что, парень, понравился стриптиз? Извини, что без музыки! – от гулкого рычания трепещут оконные стекла.

Чудовище шагает к кровати и склоняется надо мной. Из пасти несет гнилостным запахом разложения и смрада. Напоминает удушливо-кислый запах из детства, когда мы с мальчишками нашли в кустах полуразложившийся труп собаки.

От вида этого создания, запаха, рыка, кровать взвивается диким жеребцом и сбрасывает меня в неизвестность. Белыми полосами мимо проносятся летящие звезды. Они все почему-то пахнут лимоном. При желании их можно лизнуть, но язык распухшей улиткой лениво шевелится во рту и не желает вылезать наружу. А звезды смеются и дразнятся, улетают дальше. На смену им приходят другие, такие же холодные и бездушные.

Холодная ладонь на коже лба. Как приятно.

Я морщусь и, не открывая глаз, глажу ласковый пред-

мет. Шелковистая мягкость кожи ощущается необыкновенно чувствительными пальцами. Я удивляюсь ощущениям – словно с кончиков пальцев сняли кожу, и приходится касаться оголенными нервами.

– Парень, ты закончил меня щупать? – звенит насмешливый голос.

Я растаскиваю тяжеленные веки и смотрю на девушку. Гордо восседая на табурете, в другой руке она по-прежнему держит тарелку с бульоном. В небольшой комнате темнеет, вечер вступает в свои права. Алые отблески заходящего солнца лениво скользят по беленому боку могучей печи.

Где же чудище?

Привиделось?

– Мне приснилось, что ты превратилась в медведя, – растягиваю непослушные губы в улыбке.

– Да нет, не приснилось тебе это. Просила же не грохаться в обморок, а ты... – девушка протягивает бульон.

Я отрицательно покачиваю головой.

Не привиделось! И это всё – правда?

Жесть!

Ведь видел же в фильмах, но считал всё это выдумкой режиссеров и сценаристов. А теперь эта «выдумка» сидит рядом... с тарелкой бульона в руках.

– Ты... оборотень?

– Да, и ты теперь тоже.

– А как же родные? Я ведь могу их тоже?..

– С родными придется расстаться. Иначе может выйти тоже, что и у нас с тобой. Увы, это условие Игры. Если тебе дороги родные, то забудь про них навсегда. Это то, что ты должен сделать в первую очередь.

– Как от этого избавиться? – я перебираю в памяти все эпизоды про лунное безумие людей-оборотней.

– Если бы я только знала, – говорит девушка, плотнее запахивая халат, на рукаве замечаю небольшую прореху. – Меня также обратил Федор, тот парень, что помогал нам.

– Хорошо, давай успокоимся и поговорим? – пока мы разговариваем, не так болит рука и не дергает грудь. – Ты укусила меня, потому что я начал к тебе клеиться и оказался другом охотника? Так? Про флирт я понял, но вот кто такой этот охотник? Что за Игра? И с какого я тут бока?

– Александр Алешин, твой друг. Он является охотником на оборотней, – мне кажется, что у девушки злорадно блещут глаза. – А я оборотень-берендей, то есть превращаюсь в медведицу. Сам видел. Ты вошел в Игру «Война кланов». Игра Богов... Как бы тебе это объяснить? Тысячи лет назад три Бога решили выяснить – кто из них сильнее? В драке они так и не смогли этого решить, потому как почти что бессмертные и битва ничего не выявила. Тогда они договорились взять по пять тысяч человек и создать из отобранных кланы. Переложили выяснение на людей. Перун взял себе клан людей-охотников, Волчий Пастырь подхватил людей-волков, а Велес выступил за людей-медведей. В ходе

войны люди-охотники одолели остальные кланы, но Игра не закончилась. Богам надоела человеческая суета и они бросили Игру, но Игра не бросила людей. До сих пор идет война кланов. И никто не знает, как её остановить. Кстати, мы так и не познакомились. Я понимаю, что секс это не повод для знакомства, однако у нас всё гораздо интимнее – я в некотором роде твоя вторая биологическая мать. Марина, – и девушка протягивает руку.

Совсем недавно вместо неё была мохнатая лапища...

– Ни фига себе, вот это новости. А! Да! Евгений меня зовут. Так значит Сашка – охотник на оборотней? Круто, а мне даже и не сказал. И тётю Машу порвали не волки, а ...

Я вспоминаю нашу злопамятную драку, черного зверя, напавшего на отморозков. Серое существо, что кинулось на черного. Их короткую яростную битву. Два существа, похожие на волков... Оборотни!

И они так просто находятся между людьми? Ходят, разговаривают, улыбаются, а по ночам рвут неосторожных прохожих... Так вот откуда столько смертей... Для меня мозаика начинает складываться в общий узор. В оскаленный человеческий череп.

– Да! На неё напали другие оборотни, более привычные для человека. Полулюди-полуволки, перевертни. Ты мог их видеть по фильмам или картинками. И сейчас Иваныч с ребятами помогают Саше.

Я со стоном закрываю глаза рукой – и зачем мне всё это?

Съездил, развеялся, блин! Гадство! Гадство!! И ещё раз – ГАДСТВО!!!

– Марин, ты дома, аль нет? – слышится с улицы женский голос.

– Лежи тихо, я сейчас, – поднимается с места девушка.

Вот он! Мой шанс вырваться на свободу! Только позови, и прибегут люди, помогут, спасут...

Первое задание

Что-то меня останавливает. Я кидаю взгляд на свою руку. В свете уходящего солнца еще видна грязная паутинка. Она потихоньку стекается к месту укуса, рука принимает свой естественный вид. Грудь тоже перестает дергать отдираемым скотчем. Понемногу боль уходит. Я пытаюсь пошевелиться – вполне терпимо.

Я оборотень? И могу также принимать вид медведя?

Как только я думаю об этом, так сразу же откуда-то из края глаза выплывает текстовое сообщение. Прямо как во время игры в приставку, когда один из игроков толкает текст.

Первое задание:

Научись владеть приобретенным даром

Текст тут же пропадает, как будто понимает, что я его прочел, осмыслил, забил.

Даром! Так это дар? Меня кто-нибудь спросил – хочу ли я такой дар?

– Чего звали, тетя Света? – хлопает дверью хозяйка дома.

– Да смотрю, что машина давно стоит у дома Иваныча!

Вот и думаю, может, приехал кто, а их дома нет?

– К Федору друг приехал, он «буханку» и оставил. Вместе куда-то упорхнули. На рыбалку или ещё куда. Разве ж он мне докладывается?

– А-а-а, а я-то думаю, – протягивает женский голос и че-

рез паузу продолжает. – Свадьба-то у вас когда, Марин? Или Федя ждет, пока у тебя пузо появится? И так деревня стаканы начищает, все вас ждут.

– Будет, тётя Света, всё будет. С Федей пока не разговаривали, но к этому всё движется, – звенит весёлый голос Марины.

Я через стены ощущаю, как её щеки зарделись.

– Давай, давай, Марина, а то пропадёт мальчишка-то без женского ухода. А он и работающий, и руки на месте, сама видела, какую мотоциклетку они вместе со Славой сварганили.

Вот как, оказывается, сватают. Интересно, а меня также кому-нибудь сватали? Да вроде бы родители ничего такого не говорили.

Родители!

Алой молнией мелькает росчерк мысли. Теперь придется расстаться с ними? Или их тоже укусить, и заживем все вместе одной большой дружной семьей обратной? Горькая усмешка кривит губы, я стираю её здоровой рукой.

Ого! Тело становится послушным? Я пытаюсь сесть на кровати. Получается! Сначала швыряет на спину, но успеваю упереться рукой и выпрямляюсь.

Я в трусах! Уже хорошо.

Женский разговор журчит за стенкой. Обсуждают Фёдора, за компанию ещё и Вячеслава с Иванычем. Женщина говорит по большому секрету, что давно приглядывается к «салидному мушщине». Марина обещает намекнуть Иванычу о

таких «приглядках».

Потом они снижают голоса, словно боятся, что их кто-то услышит. Недолгий шепот и дружный смех двух женских голосов прорезает вечернее небо. О чем же еще могут смеяться две сплетницы, разговаривающие о мужчинах, как не о размерах мужского ... интеллекта?

Я наклоняюсь к печке.

Раз, два, три и встану!

Ноги – тяжеленные тумбы, но пальцы вроде бы шевелятся. Вот сейчас.

И раз, и два, и три!

Шершавая побелка печи колет ладони. Я упираюсь в печной бок и пытаюсь удержаться.

Ноги сгибаются в дрожащих коленях. Крупная дрожь трясет тело, я чувствую, что сползаю вниз. Пальцы напрасно хватаются за стенку, я скольжу к деревянному полу.

Разноцветный половичок смягчает звук падения, но стекла звякают в замазанных рамах. Крашенный суриком плинтус оказывается перед моим носом. Падаю неудачно – срывается повязка с груди. Она стягивает за собой не успевшую основательно запечься корку на ране, и кровь капает на синюю поверхность дорожки. Я стискиваю зубы, чтобы не застонать.

– Марин, что-то у тебя там грохнуло? – озабоченный голос.

Я тут грохнул, кто же ещё? Придите и проверьте.

Блин, как же больно! Будто упал на догорающий костер.

Тело горит и сотрясает судорогами.

Нет, не приходите, ведь я могу укусить, и тетка станет такой же? Или пройдет инкубационный период, и я сначала окуклюсь? Что угодно, какие-нибудь мысли, но только уводящие прочь от резких толчков. Кажется, что сквозь большие дыры в животе вытаскивают кишки и наматывают их на ножку кровати...

Думать о небе! О синем небе, о плывущих облаках. Вон то, в форме лошадки, с большим хвостом, с вытянутой мордой, с огромными зубами оборотня...

– Пушок, наверное, уронил ковёр. Приставила к двери, а он же любитель когти поточить. И так два раза подшивала. Сейчас я ему задам! – звучит в ответ.

Пушок! Так вот как зовут это полосатое создание, что с интересом смотрит на меня из-за занавесок. Иди сюда, Пушок, помоги встать! Чего рыло воротишь, чувырла хвостатая?

– Пушуня моя! Он к нам ходить повадился, с моей Муркой трется на лавочке. Так что смотри, приплод тебе принесу, Марин.

– Хорошо, тётя Света! Справляюсь с Пушком и с приплодом тоже справлюсь.

Я переворачиваюсь на спину, словно двухсоткилограммовую штангу выжимаю. Холодный пот выступает на коже. Сейчас отдышусь и привстану!

– Да кто у тебя там шебуршится-то, Марин? Может моя

Мурка к Пушки в гости зашла? Пустишь посмотреть? – спрашивает тетка.

Вот это у неё локаторы! Я вроде бесшумно перекатываюсь, а она всё равно слышит. Пушок, прогони её! Мявкни, дружок! Махни на неё хвостом.

– Да, тётя Света, пойдем, конечно. Почаёвничаем! Я как раз пироги готовлю, вот только соли не осталось. Одолжишь до завтра, а то сегодня магазин уже закрыт? – после небольшой паузы спрашивает Марина.

– Ой, пойдём, пойдём, Мариночка! Конечно дам, какие могут быть вопросы, и отдавать не нужно. У меня ещё пачка не распечатанная стоит с того года. А с чем пироги-то?

– С картошкой готовлю, Федя уж больно их любит. Вот приедут и тоже поедят.

Женские голоса удаляются от дома. Я выдыхаю, как мелкий воришка, который едва не попался на месте преступления. Кот мяукает согласно. Да ты, оказывается, гулёна? Извини за блюдо, дружище. Потом как-нибудь поквитаемся.

Я скручиваюсь скрепкой, благо прессом занимаюсь почти каждый день. Да и девчонки на пляже заглядываются на мою рифленую, как стиральная доска, плоскость живота. И потом, ночью, обожают проводить по кубикам рукой, спускаясь ниже...

Пушок, мы с тобой одной крови, ты и я!

Голова кружится от усилий, но главное, что я сажусь. Теперь подтянуть ноги, и опереться на край кровати. Голово-

кружение. Меня бросает из стороны в сторону. Один раз такое было, в детстве, когда я сломал ногу, прыгая с одного гаража на другой. Мальчишки разбежались, увидев, как штанину прорвала белая кость. А я, как перепивший мужик, не мог встать, и всё время валился на спину. Из рта лились стоны пополам со слюнями. Или это были слёзы? Сидел и выл, пока не пришли взрослые и не отвезли в больницу. Помню шину из досок. Матвеевна ещё долго эти заборные доски вспоминала, когда к ней на огород повадились бездомные собаки. Хотя, каким псам понадобилось бы выкапывать картошку?

Получается! Я покачиваюсь на дрожащих подпорках. Сердце в груди колотится как маятник у бешенных старинных часов. Ещё немного и, проломив ребра, вылетит на мягкую подушку, скатится к белой простыне.

Комната кружится, но я стою! Пусть «раком». Пусть ша-таюсь. Пусть едва не сблевал, но стою!

Понемногу карусель останавливает веселый бег, и я пытаюсь шагнуть. Маленький шаг для человека, но огромный для оборотня.

Истерический смешок вырывается сам по себе. В моём положении только и шутить. Согласно мяукает Пушок. Его полосатое величество неспешно подходит ко мне и трется о ногу.

– Уйди, полудурок! Уронишь же! – я подвигаю пушистый бурдюк, и чуть не падаю на самом деле.

Кот запрыгивает на кровать и сворачивается клубком, желтые глазищи следят за моими потугами. Кажется, что это животное ждет и смотрит, что я буду делать, когда кончится кровать. А блестящая дуга спинки приближается всё ближе. Глядя со стороны можно подумать, что я играю в краба, двигаюсь боком и также выпучиваю глаза.

Рука обхватывает круглую дугу. Потная ладонь скользит по блестящей поверхности. Влажная полоса протягивается за ладонью, и она останавливается. Упор найден, и я подтягиваю вторую руку. Как же приятно выпрямиться. Кровь перестает капать с груди. Я оглядываюсь и вижу, что красные капли пунктиром пролегли по простыне. Ох, и получу же я от Маринки.

Позади меня шевелятся занавеси на межкомнатном проёме. Я собираюсь покинуть небольшую комнатку за печкой. По всей видимости, она служит спальней, так как кроме трюмо с зеркалом и кровати больше ничего нет в это пенале с одним окном. На трюмо разные флакончики-одеколончики, женские прибабасы, губнушки и мази. Сам чёрт ногу сломит в этом хаосе, но для женщин это идеальный порядок и каждая вещь лежит на своем месте. Такое же и у моей мамы на прикроватном столике.

И раз, и два, и три! Я отталкиваюсь от кроватной дуги и пробегаю несколько шагов. Как малыш, что учится ходить, отпускает маму и бежит на неверных ногах в объятия отца. Я оказываюсь в большой комнате и успеваю зацепиться за

спинку кресла. Ноги пытаются сплясать джигу, но я с трудом уговариваю их не делать этого.

В зеркальном шкафе отражается бледная физиономия, словно меня долго и упорно возили лицом по побеленной печи. Чёрной паутины не видно ни на руках, ни на груди, только неровная алая дорожка струится из раны. Шершавая ткань пледа щекочет ляжки, пожалуй, нужно присесть.

Стол под пластиковой скатертью, стулья со следами клея на перепялинах и спинке, диван с небольшим провалом, неудобное кресло, шкаф и тумбочка с неизменным телевизором – вот и всё, что сейчас танцует перед моими глазами. Ни штанов, ни футболки не видно, а в лежащее на диване платье нет никакого желания одеваться.

Я плюхаюсь в кресло. Старые пружины даже не обращают на меня внимания – за долгое время устали выпихивать посетителей. В задницу впивается твердое ребро фотоальбома. Я заинтересованно листаю плотные страницы: черно-белые фото, где улыбающаяся молодая пара держит на руках насупленного ребенка; первые красноватые цветные фото – девочка с воздушными волосенками восседает на стуле, неизвестно на чем держится пышный бант; девочка в садике; в школе; выпускной. Альбом заканчивается на фотографиях Марины с Фёдором и еще каким-то крепким парнем на природе. Или чей-то день рождения, или обыкновенный пикник. Федор улыбается в камеру, рука по-хозяйски покоится у Марины на плечах. Девушка выглядит счастливой, даже сквозь

эффект красных глаз видно безбрежное море любви, что выливается огромными волнами на Федора.

Откуда-то издалека доносится сдавленный женский крик. Или это кажется моему воспаленному воображению? Я прислушиваюсь, но криков больше не повторяется. Может, так зовут корову на вечернюю дойку?

Я перелистываю альбомные корки. Любуюсь на купальник Марины – её сфотографировали возле какого-то озера. И на этом альбом заканчивается. Я остаюсь терпеливо ждать возвращения хозяйки дома. Рука и грудь всё так же ноют, но боль терпима, а лечь в постель не хотелось – Пушок облюбовал её себе. Пусть Марина придет с этой женщиной и постарается оправдать присутствие обнаженного и окровавленного парня в своем доме.

Пусть! Это будем моя маленькая месть.

За окном раздаётся собачий лай, доносится гоготание гусей, где-то кричит сумасшедший петух, перепутавший вечер с утром. Я хоть и живу в частном секторе, но у нас редко кто держит живность. Так, собаку-кошку и пару курей на яйца. Но ещё помню то время, когда на асфальте дороги встречались коровы лепёшки, а по утрам будила звонкая перекличка петухов. Какое-то уверенное спокойствие наполняло деревенский вечер. Решено – на пенсии тоже уеду в деревню. Рука автоматически начинает перелистывать фотоальбом по второму разу. Я даже не смотрю вниз, думаю о своём.

Иногда оглядываясь назад, я размышляю – почему не со-

рвался в этот момент с места, почему не позвал на помощь? Почему терпеливо ждал, пока появится девушка? Ответ вырисовывается всегда один – слишком скучно и обыденно катилась жизнь, что даже эта неприятность казалась обалденным приключением.

– А вот я по твоим вещам не шарюсь! – неожиданно раздается голос от дверей.

Как она так тихо вошла? Непонятно. Хотя она и сама по себе непонятна.

– Да я только посмотреть, – отвечаю я. – Попался под руку и не смог удержаться.

Полулитровую баночку с солью она ставит на тумбочку у телевизора.

– Тебе сейчас постельный режим нужен. Поверь мне, со мной было так же! Денек полежишь, а завтра будешь почти в полном порядке. Когда меня укусил Федор, я думала, что умру и белугой ревела на всю деревню. Хорошо ещё, что рядом оказались Иваныч с Вячеславом, они смогли объяснить, что к чему и взяли под своё крыло, – говорит девушка, провожая меня до кровати.

– А где соседка, она же тоже собиралась зайти? – я аккуратно ложусь на спину и ощущаю, как вздрагивают поддерживающие руки девушки. Влажные ладони слегка дергаются.

– Она не придет, поздно уже, да и живность свою нужно кормить, – как-то неуверенно произносит Марина.

– А-а! Понятно, а я-то думал, что меня сегодня обещанными пирогами с картошкой накормят.

– Будут тебе пироги, но только завтра. Сегодня же отдыхай, Женя, – девушка подтыкает одеяло, прикрывает у горла.

Так делала мама, когда я засыпал в детстве. Но что-то мне не нравится в этом движении, вот только непонятно что. Глаза слипаются, и мысли ворочаются в черепной коробке, как гири в плотном ящике. Что-то настораживает, но это что-то решаю оставить до завтра. Где-то орет сумасшедший петух.

Ночью снится сон, что мы с Мариной у лесного озера на пологой полянке. Она в очень откровенном купальнике, я почему-то в рыцарском облачении, блестящем и испускающем зайчики. Дарю ей букетик полевых цветов, она восторженно их принимает. Когда же я улыбаюсь, то, откуда ни возьмись, появляется трехголовый змей. Вместо драконьих голов на длинных шеях покачиваются головы Федора, Иваныча и крепыша с фотографии. Ступая перепончатыми лапами по камышам, это чудище начинает приближаться. Из-за пояса сам собой выскакивает меч и, играючи, срубает все три головы. Они футбольными мячами падают в воду и плывут к другому берегу, пока туловище скребет лапами по земле. Я тянусь к девушке за заслуженным поцелуем, но Марина испуганно отпрыгивает в сторону, встает на четвереньки, протяжно и тоскливо воет на меня. На крепком заду, разделенном веревочкой купальника на два восхитительных полушария, блестят капельки воды.

Я оборотень

Этот сумасшедший петух когда-нибудь заткнётся? Сколько же можно кричать? А ещё и других подбивает на хоровое пение, теперь семь или восемь солистов радуются восходящему солнышку.

Солнце встаёт?

Значит, петух не такой уж и сумасшедший. С кухни тянется аромат запекаемого теста и неповторимый запах картофельного пюре. Оборотень обещал – оборотень делает! Или оборотица? Кто же его знает, как правильно. До вчерашнего дня вообще не знал, что они существуют, а сегодня сам такой же. Круто, блин!

Как там моя рука?

Ух, поднимается! Ох, опускается! Боль чувствуется отдаленно, словно рука находится в ванне со льдом. Не отдельно, конечно, но тело снаружи, а рука внутри, между застывших кусков холода. Такое же ледяное ощущение и на груди. Терпимо.

– Вставай, вставай! Я видела твою зарядку! – доносится с кухни веселый девичий голос.

Встает на четвереньки и тоскливо воет...

– Ты завтрак готовишь? Умница, дочка! – вспоминается фраза из старого мультика.

– Как и обещала, готовлю пироги с картошкой. Не зря же

столько соли набрала. Возможно, и мужики сегодня появятся, тоже поедят, а то питаются одной сухомяткой. Редко-редко когда нормальных щей сготовят.

Я сажусь на кровати – от вчерашней слабости остается легкое напоминание в виде головокружения. В ногах лежит кот. Сейчас он поднимает заспанную морду и провожает меня ленивым взглядом.

– Штаны отдашь, или так и буду соблазнять тебя своим великолепным телом? – я выглядываю из-за занавески.

– Да чего там великолепного-то? Тебя на месяцок на нормальный харч посадить, вот тогда и можно говорить о великолепии. А пока одни мослы, да жилы. Сейчас принесу.

Встает на четвереньки и тоскливо воет...

Через минуту я одеваюсь в свои штаны и в чужую полосатую рубашку. Похоже, что футболка восстановлению не подлежит. Аромат печева приводит на небольшую, аккуратную кухню. Вот тут я сидел, когда меня привели с улицы – знакомая скамья, на ней цветасто-синяя клеенка.

– Хлипковат твой Федор по сравнению со мной! – уверенно говорю я, когда рубашка отзывается на потягивание звонким потрескиванием.

– Так не за массу люблю-то, а за характер! Если за объемом, то все бы на слонов вешались! Но я передам ему твои слова.

– Да ладно, я же шутя!

Я слегка сдаю назад – вот только ещё разборок не хватает. Одно удовольствие наблюдать за сноровистыми движениями

ями девушки. Как заправский кожемяка она мнет податливое тесто, под сильными руками масса становится мягче зефира. Шлепок ложки пюре и конверт быстро защипывается, пока серое тесто не вздумало расползтись. Из-под вафельного полотенца выглядывают загорелые рубцы румяных пирогов. Я сглатываю нахлынувшую волну слюны.

– Чего сглатываешь? Нравятся? – девушка кивает на объемное блюдо с печеными крепышами.

Девушка нравится больше. В своем халатике, с забранными в конский хвост волосами, с легким напылением муки на фартучке и белой полоской на гладкой ноге – валькирия кухни, воинственная амазонка дуршлага и скалки! Я завидую Федору наичернейшей завистью.

Встает на четвереньки и тоскливо воет...

– Да я больше на тебя сглатываю, если бы можно укунить за румяный бочок, – мурлыкаю я.

– Смотри, скажу Феде, тогда и кусать нечем будет. На кашку манную перейдешь, – рассыпается колокольчиковым смехом Марина.

– За такое и зубов не жалко, но это чисто между нами. А то и в самом деле скажешь, а мне потом объясняться, что я всего лишь ценитель красоты.

Марина ещё раз сверкает зубками, они белее муки самого высшего сорта, и кивает на стул. Вот этими-то зубками она меня недавно и обратила...

– Садись, ценитель красоты. Позавтракаешь и будем

учиться владеть телом. Чего у тебя глазки опять заблестели? Не моим телом! Ты своим будешь учиться управлять.

– А-а-а, – разочарованно протягиваю я и хватаю горячий пирожок.

Из-за тонкой слоистой стенки пирога врывается аромат горячей картошки. С тонкими оттенками лука и яйца, где-то далеко чудится легкий аромат сливочного масла. Я никогда так тонко не ощущал запахи!

А уж вкус!

Городские пироги ни в какое сравнение не идут с деревенскими. Может воздух так румянит, может молоко оживляет, или же опара без дрожжей вырастает сама? Желудок завывает от восторга, кажется, что горячий ручеек блаженства проливается в горло. От вчерашней слабости остается только воспоминание и редкие судороги.

Пироги улетают один за другим, Марина озабоченно смотрит на исчезающую кучу. Я понимаю её озабоченность и решаю, что ещё один и хватит.

А может ещё один? А ещё?

– И куда в тебя столько лезет? Моим мужчинам не останется, проглот! – упрекает меня девушка.

– Сама себе такую проблему создала, мням-мням. Ты читала у Экзюпери, что мы в ответе за тех, кого приучили? Вот и мучайся теперь! – возражаю я второй биологической матери.

– Мда, если бы знать, что ты такой любитель пожрать – ни

за что бы не укусила! – протягивает девушка и вываливает из деревянной кадушки остатки теста.

– Ладно, не зуди. Я наелся. Показывай теперь, как мне из человека стать оборотнем? Мне раздеваться? Я помню, как ты медленно стянула халатик...

– Отстань, Казанова шуйского разлива. Да, раздевайся. При перекидывании ты вырастешь в размерах, а ещё одну рубашку я тебе не понесу. Не стесняйся, я тебя уже видала голым, и, если честно, это удручающее зрелище.

– Но-но, это поклеп и провокация! Я почти Аполлон, мне так мама говорила!

Настроение великолепное, состояние такое, что вбей в потолок одно кольцо, а в пол другое, то поверну я крышу на все сто восемьдесят градусов. Силища в руках играет невероятная.

Почему же я не боюсь?

Почему не забиваюсь в угол и не стенаю от ужаса перед превращением и страшным будущим?

Спрашиваю себя об этом позже и сам себе в ответ пожимаю плечами. Не знаю, возможно – природная безбашенность, возможно – тяга к приключениям, возможно – то, что Александр тоже как-то живет с этим. Нужно будет у него подробнее узнать об охоте. Хотя и Марина должна знать.

– Марин, а почему эти, как их, охотники охотятся на оборотней? Неужели нельзя жить в мире и согласии?

Она вытирает руки о фартук. Последние комочки теста

ложатся у блюда с остатками картошки. Хватает ещё на три-четыре пирога.

– Охотники охотятся на тех, кто убивает людей. Убивает или обращает. Существует договор, согласно которому должно быть не более пяти тысяч особей, и при превышении этого лимита старый оборотень должен уступить место молодому.

– Значит, ты меня обратила и...

– Именно «И». Берендеи сейчас помогают охотникам, и завоёвывают «услугу». Если всё пройдет как надо, то мои соседи останутся нетронутыми. Правда, в таком случае придется уйти какому-нибудь старому берендею...

– И тебе не жалко? Ведь у какого-нибудь старого берендея может быть семья, дети.

– Чего же жалеть? Рано или поздно придется уйти и мне, – буднично отвечает Марина.

Крепкие руки стряхивают муку и снимают фартук. Она следует за мной в комнату. Занавеси загорожены на случай, чтобы зеваки с улицы не увидели лишнего. Альбом с кресла перемещается на тумбочку под телевизором. А я бы не прочь посмотреть ещё раз на Марину в купальнике.

– Вещи на кресло и вставай в центр комнаты!

– Хорошо, масса Марина! Женя будет хороший мальчик! – вспомнив «Хижину дяди Тома», отвечаю я.

– Сам ты масса! Это у меня кость тяжелая, а так я могла бы и в балете выступать.

Я никак не комментирую это заявление, знаю, что тема веса для девушек весьма болезненная. Аккуратно складываю вещи и сладко потягиваюсь. Выпячиваю мышцы, а сам краем глаза наблюдаю за Мариной. Никакой реакции, словно на рынке оценивает мясо.

Тяжелый случай!

Рука почти не болит. От вчерашнего происшествия остается небольшая нашлепка на коже. Никакой сеточки, никакой паутинки – обычная родная рука, знаю её уже больше двадцати лет и не с самой плохой стороны. На груди тоже красуется нашлепка, вчерашняя дорожка крови за ночь осыпается мелкими чешуйками. Тоненькие контуры указывают русло, где протекла медленная струйка.

В зеркале отражается подтянутый молодой человек, не Шварценеггер, но и не дистрофик. А эта даже внимания не обращает! Какой удар по самолюбию...

– Вставай в центр и расслабься, – говорит Марина.

– Совсем расслабиться? А то я еще в туалет после твоих пирожков не ходил.

– Вот тебе не надоело казаться остроумным?

Она проверяет плотность запахнутых штор, закрывает входную дверь на замок, задерживает межкомнатные шторы. Полутемная комната создает интим, если бы ещё этот интим использовать...

Да что такое со мной происходит?

Мысли сами собой сворачивают с обыденности в альков-

ные просторы. Мне бы бояться и ужасаться, а мне страшно хочется секса...

– Всё понял, жду указаний.

Я напрягаю мышцы пару раз, соматически расслабляюсь, выдыхаю с полным снятием напряжения.

– Расслабься и представь себе самого лютого врага. Того, кто тебе всегда переходил дорогу, при виде его тебя постоянно трясет, – нажимая на каждое слово, говорит Марина.

Да вроде бы и не было таких. Я перебрал в уме всех ребят, с которыми так или иначе воевал – сейчас ни к кому претензий не осталось. Пробую копнуть глубже, дохожу до детского сада, но тоже ничего не выходит: за лопатку уже отомстил, а что сломали игрушку – так это не моя была.

– Не получается! Нет у меня таких врагов.

– Что, совсем никого вспомнить не можешь? А не вы ли с охотником в том году семерых положили?

– Нет, конечно же не мы! Там был черный зверь, получеловек-полупес. Вот он-то всех и погрыз.

Передо мной полыхает видение прошлогодних событий: сияющие ярче лазерной указки глаза, струйки крови из шей нападающих, оторванные руки. Меня передергивает от отвращения.

– А теперь посмотри на свою руку, – выдергивает из воспоминаний девичий голос.

Ладонь вытягивается и покрывается шерстью, ногти уплотняются и синеют. Сквозь шерсть выглядывают поду-

шечки пальцев, с каждой секундой мех густеет и разрастается, словно трава при ускоренной съемке в телепрограмме о ботанике. Но вот шерсть начинает съеживаться.

– Продолжай думать, продолжай ненавидеть!

Перед внутренним взором снова эти красные глаза, темнота и сырость. Снова крики боли и предсмертное хрипение. Я чувствую, как по жилам разливается напряжение, словно двумя руками держусь за незаземленные провода. Сначала легкое, потом напряжение увеличивается, будто кто-то невидимый крутит рукоять настройки.

Рвущие одежду лапы, хруст костей, мокрое чавканье огромной пасти...

Меня уже колотит от бьющих разрядов. Я смотрю на Марину, сквозь неё, в ту самую промозглую осеннюю ночь.

Черная шерсть лоснится на боках, согнутые ноги делают шаг ко мне. Окровавленные клыки скалятся в радостной ухмылке...

Марина уменьшается в размерах, а я упираюсь загривком в потолок и собираюсь расти дальше.

– Вот теперь ты стал симпатичнее, – сквозь оглушающий стук сердца в ушах, доносится голос Марины, – посмотри на себя в зеркало!

Я нагибаюсь к зеркалу шкафа, и на меня таращится морда медведя, более плоская и клыкастая. Из-под черных брыл выскакивают белые клыки, более похожие на зубья бороны. Густая темно-бурая шерсть покрывает всё тело, сквозь неё

проступали объемные мускулы. Вот теперь я могу посоревноваться и со Шварценеггером! Если он, конечно, тоже не оборотень.

Режим оборотня включен

Ваша реакция ускорилась, ваша сила выросла, ваша скорость увеличилась

Я улыбаюсь возникшему сообщению, и в зеркале отражается оскал пугающей пасти. От вида огромных клыков я отшатываюсь, и лапа сама бьет по отражению. Зеркало брызгает миллиардом мелких осколков. Они застревают в шерсти на вытянувшихся ногах, осыпают мощную грудь, стучат по поджарому животу.

– Ну ты и засранец! – комментирует Марина. – Ты теперь мне зеркало должен.

– А ты мне должна нормальную жизнь, – вырывается из моей глотки хриплый рев. – Куда я теперь таким пугалом? Ни на дискотеку, ни на гулянки, только в армию.

– Я уже попросила прощения, – тихо говорит Марина. – Сделанного не воротишь, тебе остается просто смириться и научиться с этим жить. Либо попытаться лишить себя жизни, а это оборотню очень трудно сделать – слишком уж силен инстинкт самосохранения. Мне рассказывали, что другие пробовали и стреляться, и вешаться, но уворачивались в последний миг или рвали веревку. Самый оптимальный вариант – спрыгнуть с обрыва, но и то не факт, что разобьешься.

От её слов я успокаиваюсь, и моё тело принимает первоначальный вид. Осыпаются осколки зеркала с редющей шерсти, руки и ноги уменьшаются в объемах. Лицо чешется, словно под кожу насыпали крошек. Такой же зуд расползается по всему телу, когда шерсть втягивается внутрь.

Я ловлю себя на мысли, что прикрываю пах руками – трусы не выдерживают увеличения тела и скользят тряпчочкой на блестящие осколки. В таком положении очень трудно спорить или противоречить – вступает в действие психологический барьер стыда. Недаром же фашисты в Великую Отечественную войну допрашивали в основном обнаженных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.